

Папочка самый лучший!

Она не назвала его папой, а крикнула «злая большая птица» — похоже, и впрямь слишком увлелась игрой.

Чтобы не дать Эрбао совсем раскиснуть, Тао Цю поспешно вернулся, опустил Саньбао на землю и принял привычный для детей человеческий облик.

— Всё-всё, этот раунд окончен. Не плачь, моя хорошая.

Эрбао, ещё не до конца пришедшая в себя, инстинктивно заслонила собой младшую сестру. Когда Тао Цю протянул руку, чтобы вытереть ей слёзы, она даже отшатнулась.

Но тут вмешалась Саньбао. Она мягко похлопала сестру по спинке, успокаивающе чирикнув:

— Теперь это папа, а не злая большая птица.

Дабао тоже уже поднялся и подошёл к Эрбао.

— Если будешь плакать, глазки заболят, — попытался он её успокоить.

Эрбао всхлипнула:

— Н-не хочу... чтобы болели...

Тао Цю молча ждал, давая ей время прийти в себя.

Через пару мгновений Эрбао успокоилась. Когда буря эмоций улеглась, она, кажется, осознала, что вела себя немного по-детски. Смущённо повертевшись на месте, она сама подставила личико Тао Цю.

— Папочка, вытри слёзки. Папочка самый лучший.

— Конечно, — с нежной улыбкой ответил Тао Цю. — Я вытру слёзы своей смелой малышке, которая так храбро защищала сестрёнку.

Успокоив Эрбао, он повернулся к остальным.

— Папа толкнул Дабао. Ты не ушибся? — спросил он, тщательно осматривая сына с ног до головы. Густое оперение, кажется, надёжно защитило его.

Дабао помотал головой и, подняв взгляд на отца, ответил:

— Не больно. Я знаю, что папа рассчитал силу.

— Умница, — Тао Цю ласково погладил его по голове.

— А Саньбао? Сначала упала, потом папа тебя схватил. Наверное, сильно испугалась? — Он убедился, что дочка цела, а затем поднял её и поцеловал.

Саньбао потёрлась о его щеку.

— Совсем капельку. Только самую малость.

Она не врала. Когда Тао Цю становился серьёзным, он мог напугать кого угодно.

Тао Цю усмехнулся.

— Ну что, хотите ещё поиграть?

Обучение должно быть постепенным. Если птенцы сегодня испугались, можно было отложить игру на другой день. Но, к его удивлению, все трое согласно кивнули.

Эрбао взволнованно захлопала крыльями.

— Страшно, но очень весело!

Двое других думали так же. Саньбао была просто рада, что может играть с семьёй в такие подвижные игры — это доказывало, что она стала гораздо крепче.

А Дабао понял, насколько он слаб и беспомощен по сравнению с отцом, даже когда тот уменьшался в несколько раз. Если бы на них напал настоящий хищник, он не смог бы защитить ни сестёр, ни даже самого себя. Он хотел учиться у отца, чтобы стать сильнее.

— Хорошо, тогда немного отдохнём и продолжим, — раз уж дети были не против, Тао Цю, как заботливый отец, был готов играть с ними сколько угодно.

Во втором раунде роль «курицы-мамы» досталась Дабао. Учтя опыт предыдущей игры, он

теперь плотнее прикрывал своих «цыплят». Он не только думал, как лучше защитить себя и сестёр, но и внимательно наблюдал за атакующими приёмами отца.

И хотя они продержались ненамного дольше, все трое снова потерпели поражение, но получили и удовольствие, и ценный опыт.

В третьем раунде «мамой» стала Саньбао. Она была меньше ростом, чем брат и сестра, но отличалась смелостью и вниманием к деталям. Она всегда умудрялась выбрать идеальный момент для контратаки. Тао Цю несколько раз получил от неё чувствительный удар клювом. Честно говоря, было довольно больно.

Побывав в роли «добычи», дети сменили амплу и стали «охотниками».

Летать они ещё не умели, разве что подпрыгивать повыше с помощью крыльев, поэтому им пришлось использовать наземные боевые приёмы, которым их научил отец, и добавлять к ним собственные хитрости, чтобы одолеть «курицу-мamu» Тао Цю.

Снежные птицы — прирождённые охотники. Игра пробудила в птенцах зов крови. Они быстро вошли в роль и, превратившись в свирепых, но очаровательных хищников, повинувшись инстинктам, набросились на «бедных цыплят».

Тао Цю снова уменьшился, став «мамой-курицей», и спрятал «цыплят» за спиной.

Несмотря на почти равный размер, он прожил на свете на несколько десятков лет дольше, и их наивные атаки не причиняли ему никакого вреда.

Обычно всё заканчивалось тем, что маленькие «охотники», выбившись из сил, падали на землю, тяжело дыша, в то время как он и его «цыплята» оставались совершенно невредимыми.

После игры Тао Цю разобрал сильные и слабые стороны каждого из птенцов, помогая им лучше понять себя. Это заставило их ещё острее осознать разницу в силе между ними и отцом и по-настоящему полюбить эту игру.

После ужина, с наступлением темноты, температура заметно упала.

После активных игр Тао Цю, приняв человеческий облик, чувствовал себя липким от пота, поэтому он взял детей и отправился купаться в пруд на дне долины.

Но сначала он пролетел с ними несколько кругов на небольшой высоте.

Под ярким светом луны, в прохладном ночном ветерке, птенцы наслаждались полётом и видом раскинувшейся внизу земли, восторженно чирикают.

Плывать они ещё не умели, поэтому Тао Цю сел на берегу и, зачерпнув их ладонями, опустил в воду. Стоя у него на руках, они сами смачивали и чистили свои пёрышки. Это был инстинкт, которому не нужно было учить. Они и сами прекрасно справлялись, хотя иногда Тао Цю давал им советы.

Когда все трое помылись, он посадил их на маленький плот, который сам же сплёл из бамбука, и отправил в плавание по пруду.

Птенцы знали, что с папой им нечего бояться, даже если плот перевернётся или они упадут в воду, поэтому весело прыгали и резвились на нём.

Тао Цю и сам вымылся, даже выстирал свои длинные волосы. Затем он с комфортом устроился у груды камней, отдыхая в воде и ожидая, пока ночной ветерок высушит ему волосы.

Когда волосы почти высохли, маленькие «мореплаватели» тоже наигрались и принялись чирикать, прося забрать их обратно.

Тао Цю подтянул плот к себе, взял с камня бамбуковый стаканчик и накормил себя и птенцов дикими ягодами на ночь.

После ужина птенцы уселись на камень рядом с Тао Цю и принялись своими клювиками расчёсывать ему волосы. Это было и помощью отцу, и весёлой игрой.

Глядя на своих малышек, усердно трудившихся, выпятив попки, Тао Цю вдруг осенило:

— А ведь вам пора дать имена.

— Чирик? — Эрбао склонила голову набок. — У меня есть имя. Папа зовёт меня Эрбао.

Тао Цю собрал всех троих вместе.

— Дабао, Эрбао и Саньбао — это ваши домашние имена, так вас могут называть только самые близкие: семья, друзья. А есть ещё официальное имя, которое вы можете называть другим.

В своих речевых привычках Тао Цю предпочитал называть себя «человеком». Дети ещё не понимали разницы между человеком и птицей, но знали, что облик, в котором сейчас был их отец, называется «человек», а когда он был похож на них — «птица».

Видя, что дети всё ещё не совсем понимают, он привёл в пример себя:

— Я вам раньше не говорил. Моё официальное имя — Тао Цю, а домашнее — Цюцю. Родные и друзья зовут меня Цюцю, а все остальные — Тао Цю.

Затем он подробно объяснил им, что такое фамилия и имя, и что дети обычно носят фамилию родителей.

Тут прозвучало ещё одно незнакомое для них слово — «мама», но сейчас их внимание было полностью поглощено именами, и они не стали расспрашивать.

Глаза Саньбао заблестели.

— Папина фамилия Тао, значит, и мы будем Тао.

— Верно, какая ты у меня умница, — похвалил её Тао Цю, показав большой палец.

Саньбао легонько клюнула его в руку, выражая радость и смущение.

— А наши имена, папа, ты уже придумал? — спросил Дабао.

При этих словах все трое выжидающе уставились на отца. Имена были не так важны, как то внимание и забота, которые он им дарил.

— Я думал об этом с самого вашего рождения, — Тао Цю задумчиво потёр подбородок. — Но я не очень хорош в придумывании имён. Я назову те, что у меня есть, а вы скажете, нравятся они вам или нет. Если нет — придумаем другие.

Трое птенцов с нетерпением закивали.

<http://bllate.org/book/15883/1585628>